

УЗБЕКИ ПЛЕМЕНИ КЫРГЫЗ В СРЕДНЕЗЕРАВШАНСКОЙ ДОЛИНЕ

Предлагаемое сообщение основано на полевых материалах 1967 г. Зеравшанского отряда Среднеазиатской экспедиции Института этнографии Академии наук СССР. Главной задачей его было проведение сплошного этнографического обследования Самаркандской обл. Узбекистана по программам регионального Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана¹. При составлении первоначальной программы Атласа учитывался опыт, накопленный этнографическими отрядами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции².

Оседлое узбекское племя *кыргыз* в Среднезеравшанской долине было зафиксировано сельскохозяйственной переписью 1917 г.: 151 чел. в Каттакурганском уезде и 22 чел. в Самаркандском³. Рассмотрев эти материалы, Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран при Академии наук СССР (1926 г.) пришла к заключению, что «киргизов» Каттакурганского уезда следует отнести к казахам: их наименование «киргизы» ошибочно (в Туркестане в то время русские так называли казахов). Да к тому же было известно, что в Дурткульскую волость Каттакурганского уезда в голодную зиму 1898–1899 годов «..перешли из степных частей Джизакского уезда и Амударьинского отдела в значительном числе казаки (казахи – Б.К.) и часть их там осталась на постоянное жительство»⁴. «Киргизов» Самаркандского уезда (22 чел.), считая «...более или менее случайными пришельцами», отнесли «в разряд незарегистрированных»⁵. При Всероссийской переписи 1920 г. родоплеменные названия хотя и фиксировались, но небрежно, так как в программу переписи эта работа не была включена⁶. Примечательно, однако, что среди узбекских селений было зафиксировано три кишлака с названием Кыргыз⁷.

В 1924 г. Комиссией по районированию Средней Азии узбеки племени кыргыз были зафиксированы в Кермининской и Бухарской частях Зеравшанской долины числом в 5600 чел. и еще 435 чел. в Шахрисабзском оазисе⁸. В 1960-е годы этнографами в Каршинской степи в составе узбекского племени сарай было отмечено подразделение кыргыз-сарай⁹.

Полевые исследования автора в 1960–1970-х годах (в составе Зеравшанского отряда Среднеазиатской экспедиции Института этнографии Академии наук СССР) в Самаркандской обл. Узбекистана позволяют предполагать, что малочисленное в 1920-е годы (как и ныне) племя кыргыз в прошлом имело значительный общественный вес: при делении участников конноспортивных состязаний за тушу козла – «козлодрание» (*улак, купкари*)¹⁰ на две противоборствующие команды исходили (да и теперь, возможно, исходят) из традиционного для этих мест деления на *мангыт* и *кыргыз*. По уверениям моих информаторов (1967 г.), такое деление будто бы бытует по всему Узбекистану и далее на запад до Амударьи. Каждый любитель этих состязаний обычно знает: к мангыту или кыргызу относится в конечном счете его род. К мангыту относятся, например, узбекские племена *минг, юз, кырк, хитай* и др., а к кыргызам – *сарай, кунграт, джалаир, туркман* (за последним в научной литературе закрепилось название *нуратинские туркмены*¹¹). Все они, согласно преданию, считались потомством Кыргыза от его второй жены, а от его первой жены происходили *най-маны*. Последние в свою очередь состояли из двух подразделений – *садр* и *бидр*, считавшихся потомством двух сыновей Наймана, носивших эти имена. По справедливому мнению моих информаторов, в значительной степени именно благодаря купкари не забывается родоплеменная структура.

Те племена, которые не входят в состав собственно узбекских племен, завоевавших

Среднюю Азию в конце XV – начале XVI в. во главе с Шейбаниханом, при участии в купкари, согласно сложившейся традиции, присоединяются к тому или иному (но совершенно определенному) узбекскому племени¹². Например, *тюрки* (группа доузбекских племен) примыкают к *арабам*¹², а арабы – к мангытам.

Весьма показательна в этом отношении судьба племени *бахрин*. В XVIII в. их юртом (территорией, уделом) была Кермининская степь. Согласно письменным источникам, племя бахрин входило в число 32-х узбекских племен, представители которых при Аштарханидах назначались на высокие государственные должности¹⁴. Однако к концу правления этой династии, при Абульфейз-хане (1702–1747), бахрины, глава которых был заподозрен в связях с главой племени мангыт, рвущимся к власти, подверглись жестокому избиению¹⁵. Не исключено, что тогда какая-то часть их покинула свой удел и укрылась в узких ущельях Нуратинского хребта, обращенных в сторону пустыни Кызылкум, и со временем смешалась с живущими там таджиками¹⁶. Однако большинство бахринов продолжало жить на своей территории. По данным Комиссии по районированию Средней Азии в 1924 г. в Бухарской части Зеравшанской долины бахринов было зафиксировано всего 3770 чел., из них 2305 в Кермининском оазисе и 1390 чел. в Бухарском¹⁷.

В той части Зеравшанской долины, которая была завоевана Россией, в конце 1860-х годов в западных и северо-западных частях Каттакурганского отдела бахрины (по данным А.Д. Гребенкина) не занимали сплошной территории, а населяли отдельные кишлаки, разбросанные между кишлаками других племен. В Самаркандском же отделе бахринов было совсем мало и жили они там отдельными семьями по разным узбекским кишлакам¹⁸. В силу этих обстоятельств в 1960–1970-е годы (когда мною проводились полевые исследования в Среднезеравшанской долине) бахринов вовсе не включали в состав собственно узбекских племен и обычно спешили сообщить, что «бахрины в счет не входят» («*бахрин сонга кирмайди*») и поэтому они, как отмечалось выше, при участии в купкари примыкали к живущему по соседству узбекскому племени *туркман* («нуратинские туркмены»). К бахринам в свою очередь примыкали и жившие поблизости группы из сословия *ходжей*¹⁹.

Нуратинские туркмены, населяющие преимущественно северо-запад Самаркандской обл., относились к команде кыргызов. Так бывало при состязаниях с участием других племен. Однако это узбекское племя многочисленно и расселено довольно компактно, поэтому его подразделения иногда устраивали состязания между собой. Например, на север от Кушрабада противостояли друг другу роды *алти ата кызыл джудрук* – «шесть отцов (т.е. родов. – Б.К.) красный кулак» и *беш ата мангышлау* – «пять отцов мангышлау».

Когда купкари разыгрывали между собой узбеки, принадлежавшие к роду сарай, в игре противостояли команды *торт эль* – «четыре рода» и *курама сарай* – «лоскутные сарай» (записано в 1978 г. в кишлаке Тукбай Камашинского р-на).

Торт эль состоял из четырех родов: кыргыз-сарай, ос-сарай, кунграт-сарай, найман-сарай. Курама-сарай состоял из пяти родов: тукбай-сарай, маджар-сарай, каучин-сарай, мангыт-сарай, уйгур-сарай.

У каждого из перечисленных родов был свой глава – эльбеги. Если празднество устраивал один человек, то эльбеги поздравлял его от имени своих сородичей. В тех случаях, когда купкари устраивались в складчину (обычно в осенне-зимний период ради развлечения и тренировки коней), эльбеги становились организаторами состязаний: составляли списки участников и распределяли обязанности по закупке продуктов, а также нанимали пекаря и назначали бакавула (главного повара). Большие состязания в купкари в Каршинской степи обычно устраивались в ее северной части, в местности Майдап, на границе со степью Карнабчуль.

Что касается нижней части Зеравшанской долины, т.е. Бухарской обл. Узбекистана, то название *кыргызы*, равно как и название *учуруг*, среди издавна оседлого населения (узбеков и таджиков) полностью утратили этнонимическую окраску и

превратились в условные наименования двух соперничающих сторон во время разного рода состязаний, например во время петушинных и перепелиных боев. Так, в районе Кермине узбек (1890 г. рождения) рассказывал Ф.Л. Люшкевич, что когда «в прежние времена» устраивали единоборства между кишлаками, то один пахлавон (борец) выступал за учуруг, а другой – за кыргыз. Но в их же кишлаке была еще одна соперничающая сторона, она называлась балуч (белудж); последнее название воспринималось не как этноним, а как прозвище (лакаб) в значении «воинственный». Вне состязаний эти группировки жили единой общественной жизнью и их представители вступали между собой в браки²⁰.

В бассейне Кашкадарьи подобное деление населения на две соперничающие стороны было зафиксировано в 1957 г. Е.М. Пещеревой в Шахрисябзе для обозначения двух частей города: *юкори томон* («верхняя сторона») или *уч урук и паст томон* («нижняя сторона»). Другое название этой стороны – кыргыз. Эти материалы Е.М. Пещервой были рассмотрены О.А. Сухаревой в статье, специально посвященной проблеме традиционного соперничества между частями городов в Узбекистане²¹. В этой статье О.А. Сухарева, опираясь на обширные этнографические материалы по городам Узбекистана, поддерживает известное заключение С.П. Толстова о том, что происхождение этого древнего обычая связано с дуальной организацией первобытного общества²².

При знакомстве с приведенными материалами невольно возникает вопрос: чем объяснить, что малочисленное в начале XX в. в Бухарском ханстве узбекское племя кыргыз при состязаниях стояло в одном ряду с племенем мангыт, к которому принадлежала правящая династия? В этой связи обращает на себя внимание и тот факт, что в списках 92-х узбекских племен XV–XVII в. племя кыргыз занимает преимущественно начальные места. Вопрос о значении места того или иного племени в списках узбекских племен рассмотрен Т.И. Султановым в его монографии о кочевых племенах Приаралья в XV–XVII вв. Им выделены три принципа, влиявших на расположение родоплеменных названий в указанных списках. Один из них гласит: «Чем ближе к началу списка стоит название рода или племени, тем большее значение приписывается ему составителем, и наоборот»²³. Этот вывод подтверждается тем, что как при Мангытах, так и при их предшественниках Аштарханидах, отдельные лица из узбекского племени кыргыз занимали заметные посты²⁴. При мангытах племя кыргыз в Бухарском ханстве было одним из племен правого крыла, которое занимало, видимо, более привилегированное положение по сравнению с левым крылом.

Изложенные сведения дают яркий пример изменчивости традиционной родоплеменной структуры полукочевой части узбеков под воздействием главным образом политических событий, когда на передний план выдвигались новые племена, а господствовавшие прежде группировки теряли силу и сходили с политической арены, а в ряде случаев и растворялись среди других племен.

Примечания

¹ Жданко Т.А. Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана в Историко-этнографическом атласе // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975. С. 6–12.

² Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945–1948. М., 152.

³ Зарубин И.И. Население Самаркандской области, его численность, этнографический состав и территориальное распределение // Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Вып. 10. Л., 1926. С. 10.

⁴ Там же. С. 19, 20.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Материалы Всероссийск. переписи 1920 г. Перепись населения в Туркменской Республике. Ч. I. Поселенные итоги. Вып. V. Поселенные итоги Самаркандской области. Ташкент, 1924. С. 34.

⁷ Там же. Табл. I. Катта-Курганский уезд. №№ 143, 258, 260.

⁸ Материалы по районированию Средней Азии. Кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. I. Бухара. Ташкент, 1926. С. 214.

⁹ Кубаков К. О некоторых родоплеменных группах узбеков Верхней Кашкадарьи // Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Ташкент, 1972. С. 14; Архив Института этнографии АН СССР (далее – АИЭ). Материалы Предгорного отряда Среднеазиатской экспедиции. Полевые записи Б.Х. Кармышевой. 1967. Тетрадь 2. С. 3–7.

¹⁰ Библиографию по купкари см.: Симаков Г.Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX – начале XX в. Историко-этнографические очерки. Л., 1984. С. 86–97.

¹¹ Библиографию по нуратинским туркменам см.: Кармышева Б.Х. Новые материалы по этнографии населения Нуратинского хребта // Полевые исследования Института этнографии АН СССР. М., 1976. С. 142–158; Туркмены в Среднеазиатском междуречье. Ашхабад, 1989. Определение "нуратинские туркмены" – туркман нури, видимо, издавна бытовало у местного населения, о чем свидетельствует его употребление автором сочинения первой половины XVIII в. (Абдуррахман-и Тали. История Абульфейз-хана / Пер. с таджикского, предисл., примеч. и указ. проф. А.А. Семенова. Ташкент, 1950. С. 135).

¹² Списки узбекских племен см.: Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982.

¹³ О среднеазиатских арабах см.: Кармышева Б.Х. Среднеазиатские арабы // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. М., 1963. С. 582–596; Бушков В.И., Мадамиджанова З.М. Арабы Таджикистана: некоторые вопросы этнической истории // Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. Ч. I. М., 1992. С. 131–157.

¹⁴ Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (письменные памятники). Ташкент, 1985. С. 118.

¹⁵ Абдуррахман-и Тали'. Указ. раб. С. 74–77, 90, 96, 112, 134, 135.

¹⁶ Кармышева Б.Х., Пещерева Е.М. Материалы этнографического обследования таджиков Нуратинского хребта // Сов. этнография. 1964. № 1. С. 6–21.

¹⁷ Материалы по районированию Средней Азии. С. 215.

¹⁸ Гребенкин А.Д. Узбеки // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. Вып. II. М., 1872. С. 90–91.

¹⁹ Ходжа – сословная группа, ведущая свое происхождение от одного из четырех первых халифов из числа ближайших сподвижников пророка Мухаммада – Абу Бакра, Умара, Усмана и Алиа // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 280.

²⁰ Полевые записи Ф.Д. Люшкевич (1976 г.), любезно предоставленные автору данной статьи.

²¹ Сухарева О.А. Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане (конец XIX – начало XX в.) // Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. Вып. XXX. М., 1958. С. 121–129.

²² Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 283–285.

²³ Султанов Т.И. Указ. раб. С. 40–43, 51.

²⁴ Там же. С. 51.

B.Kh. Karmysh ev a. Uzbeks of the kyrgyz tribe of the Middle Zeravshan valley

The article deals with the transformation of the traditional tribal structures of the Zeravshan Uzbeks. The key point of the author's reconstruction is the fact that the participants of the traditional horse racing were divided into two teams – *kyrgyz* and *mangyt*. This fact, as the author concludes, says that *kyrgyz*, which at the beginning of the XX century was a small and dispersed subethnic group of Uzbeks, in more remote times played much more considerable role among Uzbek tribes.

РАБОТЫ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

(1957 — 1961 гг.)

Среднеазиатская этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР, организованная в 1957 г., провела пять полевых сезонов¹. Основной задачей экспедиции является сбор полевых материалов для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, для разработки проблем этногенеза народов Средней Азии и формирования их культуры, для изучения современных этнических процессов, а также изменений социально-бытового и культурного уклада народов Средней Азии в период развернутого строительства коммунизма.

Работа осуществляется различными методами: путем сплошного этнографического обследования отдельных областей, путем тематического обследования и методом длительного стационарного изучения отдельных колхозов и совхозов. Отряды формируются в зависимости от очередных задач полевых исследований.

Сбор материалов для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана методом сплошного этнографического обследования целой области проводят три отряда: Кашка-Дарьинский (нач. К. Л. Задыхина), Зеравшанский (нач. Б. Х. Кармышева), Туркменский (нач. Я. Р. Винников).

Этнический состав населения изучаемых областей отличается большой сложностью. В бассейне Кашка-Дарьи и в Самаркандской области преобладают узбеки, но наряду с ними проживают еще таджики, туркмены, казахи, каракалпаки, киргизы, русские, татары и др. В Чарджоуской области Туркмении при явном преобладании туркмен представлены почти все перечисленные выше национальности. Во всех трех областях, кроме того, живут такие относительно мелкие этнографические группы, как цыгане, арабы, евреи, ираны и некоторые другие.

Чрезвычайно усложняется картина этнического состава населения для недавнего прошлого (конец XIX — начало XX вв.), когда узбеки и туркмены не были достаточно однородными, а состояли из множества родоплеменных и локальных групп, следы былой обособленности которых и своеобразия их культуры и быта можно еще обнаружить.

Этнографические исследования, проводившиеся в этих областях ранее, до начала работы Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР, не носили характера многолетнего сплошного обследования таких обширных территорий.

Сплошное этнографическое обследование дает большой фактический материал для изучения процессов изживания остатков родоплеменных особенностей среди узбеков и туркмен, а также процесса постепенного слияния мелких этнографических групп с крупными социалистическими нациями.

В полевых записях отрядов имеется разнообразный конкретный материал по современному быту, культуре и хозяйственной деятельности населения изучаемых областей. Неизменными участниками поездок являются фотографы и художники.

Характерно для быта колхозников² изучаемых областей Узбекистана и Туркмении за последние 5—6 лет строительство новых поселков, что ведет не только к благоустройству быта, но и ломает старые традиционные формы поселений родственными группами, разрушает замкнутость и консервативность таких групп, ведет к замене ложного «общественного» мнения узкородственного круга здоровым общественным мнением колхозного коллектива. Значение этого явления для быстрого изживания вредных пережитков в семейных отношениях и в общественной жизни трудно переоценить.

Новым для последних лет в хозяйственной и общественной жизни колхозов является приход к руководству районами, колхозами и различными отраслями хозяйства колхозов молодых кадров, людей, имеющих высшее образование, широкий кругозор, высокий культурный уровень. Значение этого явления выходит далеко за рамки хозяйственной жизни колхозов.

В наши дни тяга к получению образования, в частности высшего образования, среди молодежи очень велика. Это в равной мере относится и к женской молодежи, особенно в пригородных районах. Характерно, что в пригородных колхозах при выборе невесты для сына семья колхозника интересуется не столько обеспеченностью ее семьи, как это было в довоенные годы, сколько тем, какое образование имеет девушка.

Школы-одинадцатилетки с производственным обучением имеются в каждом колхозе.

Следует подчеркнуть, что при характерной для колхозного крестьянства Узбекистана и Туркмении традиционной прочности родственных связей и большой привязанности к родному селению, молодые колхозники, получив среднее специальное и высшее образование в городе, как правило, стремятся вернуться работать в свой колхоз. В результате этого в большинстве колхозов специалисты сельского хозяйства, учителя, медицинские работники — уроженцы данного колхоза. Роль их в преобразовании жизни

¹ В 1957 и 1958 г.г. экспедиция работала под руководством Н. А. Кислякова; в последующие годы — под руководством Б. Х. Кармышевой.

² Экспедиция проводит обследование в основном сельского населения. Изучение крупных городских центров — самостоятельная и весьма сложная тема.

сельского населения огромна. Они и становятся проводниками городской передовой культуры.

Национальные традиции или природно-хозяйственные условия придают некоторую специфику культуре и быту населения отдельных районов и областей или отдельных этнографических групп, но путь дальнейшего развития у всех один — постепенное исчезновение различий между городом и деревней.

Результатом работ трех отрядов Среднеазиатской экспедиции должны быть не только этнографические карты, но и монографические историко-этнографические исследования. Бассейн Кашка-Дарьи и Чарджоуская область ТуркменССР уже обследованы, и подготовлены карты этнического состава их населения. Я. Р. Винниковым карта этнического состава и объяснительная записка к ней сданы в печать³. На материалах экспедиция Я. Р. Винниковым опубликована статья «Поездка к туркменам-сакар» («Советская этнография», 1959, № 3, стр. 107—114), а в 1963 г. им должна быть завершена монография «Туркмены Чарджоуской области». Научный отчет К. Л. Задыхиной «Некоторые итоги изучения этнического состава населения юго-западной части Сурхан-Дарьинской области УзССР» принят для напечатания в «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР». В 1965 г. К. Л. Задыхиной будет закончена монография «Узбеки бассейна Кашка-Дарьи». На 1968 г. запланировано окончание историко-этнографических очерков «Население Самаркандской области УзССР».

По проблеме этногенеза и современных этнических процессов проводит работу Предгорный отряд (нач. Б. Х. Кармышева). В задачу его входит изучение полукочевых в прошлом узбекских племен, в частности той их части, которая раньше других поселилась в Средней Азии и известна под именем тюрков⁴. Эта группа по своей культуре (несмотря на сохранение вплоть до коллективизации полукочевых образа жизни и отгонного овцеводства) близка к исконному земледельческому населению Средней Азии — таджикам и узбекам, не имеющим родоплеменного деления, особенно же к горным таджикам. Однако степень этой близости у различных родоплеменных групп различна в зависимости от происхождения и исторического пути каждой из них. В антропологическом типе и элементах культуры некоторых родоплеменных групп тюрков проглядывают и переднеазиатские черты. Рассмотрению этой интереснейшей с историко-этнографической точки зрения группы посвящено специальное исследование Б. Х. Кармышевой, завершение которой намечено на 1965 г.

Работа по подготовке к изданию тома «Народы Средней Азии и Казахстана» серии «Народы мира» вызвала необходимость организации нескольких отрядов для сбора дополнительного материала по современному быту некоторых национальных меньшинств и этнографических групп. Так, были организованы отряды: Цыганский (нач. Г. П. Снесарев), Белуджский (нач. Э. Г. Гафферберг) и Корейский (нач. Ю. В. Ионов).

Кроме того, были совершены индивидуальные поездки авторов отдельных статей тома «Народы Средней Азии и Казахстана»: Т. В. Станюкович работала среди русского и украинского населения Киргизии, к дунганам Киргизии ездил Г. Г. Стратанович, к среднеазиатским евреям — Я. И. Калонтаров (сотрудник АН Таджикской ССР), Ф. Д. Люшкевич — к ирани Бухары. Материалы по арабам собирались упомянутым Предгорным, а также Кашка-Дарьинским отрядами.

Изучение национальных меньшинств и этнографических групп выдвинуло интересные и актуальные проблемы. В результате работа некоторых отрядов переросла рамки первоначальной задачи сбора материалов для обновления статей к тому «Народы Средней Азии и Казахстана». Так, весьма интересная проблема развития национальных меньшинств в рамках одной из социалистических республик Средней Азии рассматривается Белуджским отрядом экспедиции на примере белуджей, проживающих в Марыйской области Туркменской ССР⁵. В большинстве своем белуджи Туркмении являются выходцами из Афганистана. Материалы, собранные отрядом, показывают, как небольшая по численности группа белуджей в условиях советского социалистического строя ушла далеко вперед по пути социального, хозяйственного и культурного развития, оставив позади своих зарубежных сородичей.

В Советской Туркмении белуджи, несмотря на малочисленность и инонациональное окружение, еще сохраняют национальное своеобразие, хотя влияние культуры и быта туркмен, а также городской культуры достаточно велико и оно будет расти с каждым годом по мере усиления естественного в условиях перехода от социализма к коммунизму прогрессивного процесса сближения наций.

Результатом работы отряда явится монография Э. Г. Гафферберг «Очерк хозяйства, материальной культуры и быта белуджей Туркменской ССР», завершение которой запланировано на 1965 г.

Если в развитии культуры и быта белуджей имеются свои особенности, то не ме-

³ Работа Туркменского отряда проводилась совместно с АН ТуркменССР, и указанная работа будет опубликована в Ашхабаде.

⁴ См. Б. Х. Кармышева, Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Сов. этнография», 1960, № 1, стр. 3—22; е е же, Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР», «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXXIII, М., 1960, стр. 47—59.

⁵ См. Э. Г. Гафферберг, Поездка к белуджам Туркмении в 1958 г., «Сов. этнография», 1960, № 1, стр. 112—125.

нее своеобразными путями (и не без трудностей) идет развитие среднеазиатских цыган, в прошлом представлявших собой гонимый и бесправный народ.

Цыгане до последних лет оставались одной из наименее изученных групп населения Средней Азии. Полевые исследования, проведенные Г. П. Снесаревым в 1958 г. в Бухарской, Самаркандской и Кашка-Дарьинской областях УзССР среди оседлых и полuosедлых цыган как в сельских местностях, так и в городах, дали не только новый материал для выяснения их происхождения, для характеристики их старого быта, но и предоставили также возможность осветить современное положение среднеазиатских цыган, выявить наряду с большими достижениями в преобразовании их жизни и большие трудности в трудоустройстве цыган, окончательном переходе их к прочной оседлости и ликвидации их культурной отсталости. К настоящему времени многие осложнения, связанные с отсутствием трудовых навыков у основной массы цыган, с привычкой к полукочевому образу жизни и т. п., в значительной мере преодолены, и в тех местностях, где руководители предприятий и колхозов с должным вниманием относятся к судьбе этого маленького народа, жизнь цыган ничем не отличается от жизни окружающего узбекского или таджикского населения. Дальнейшее этническое развитие цыган тесно связано с узбекской и таджикской социалистическими нациями⁶.

Имеются свои особенности в развитии и у других этнографических групп и национальных меньшинств Средней Азии. Изучение таких групп, как иранцы, корейцы, цыгане, имеет актуальное значение и оно будет продолжено. Сектором Средней Азии Института этнографии АН СССР запланировано издание специального сборника статей «Изживание обособленности этнических групп в процессе постепенного слияния их с социалистическими нациями Средней Азии» (руководитель — С. П. Толстов).

Как видно из изложенного выше, в Средней Азии, в частности в междуречье великих среднеазиатских рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, продолжаются сложные процессы этнического и культурного развития народов: стирание особенностей родоплеменных в прошлом групп узбеков и туркмен и мелких этнографических групп в рамках узбекской и туркменской социалистических наций близко к своему полному завершению; постепенно идет процесс сближения социалистических наций; стираются различия между городом и деревней; сложными и трудными путями достигается преодоление религиозных предрассудков и пережитков патриархально-феодалных отношений в семейном и домашнем быту; все ошутимей пробиваются ростки коммунизма — коммунистическое отношение к труду, коммунистические отношения между людьми.

Для углубленного изучения всех этих и многих других сложных процессов методами этнографической науки экспедицией в 1960 г. организован специальный отряд⁷. Для проведения стационарных работ был избран колхоз «Коммунизм» Пастдаргомского района Самаркандской области УзССР.

Колхоз этот расположен в средней части Зеравшанской долины, к западу от города Самарканда. Этнический состав населения кишлаков, входящих в колхоз «Коммунизм», довольно сложен, что дает возможность обстоятельно проследить изживание последних остатков родоплеменных различий среди узбеков (найманы, мангыты, кипчаки) в ходе консолидации узбекской социалистической нации, историю слияния с узбеками мелких этнографических групп (арабы, иранцы) и национальных меньшинств (туркмены), а также выявить взаимовлияние и сближение различных национальностей (узбеки, таджики, русские, татары, азербайджанцы, корейцы и др.). Представители всех этих национальностей и этнографических групп живут в колхозе «Коммунизм».

Многообразие хозяйственной деятельности колхоза (хлопководство, животноводство, в том числе каракулеводство, садоводство и виноградарство, богарное земледелие, шелководство и др.) дает возможность изучить в историко-этнографическом плане все отрасли сельского хозяйства, представленные в Самаркандской области.

Интересно, что на территории колхоза за последние 6 лет построен и продолжает расширяться большой суперфосфатный завод с новым рабочим поселком. Молодые мужчины из некоторых колхозных семей работают на заводе. Это позволит проследить, с одной стороны, рост рабочего класса, с другой, влияние его на быт колхозников, в частности на семейные отношения, на новые, совершенные методы труда и др.

Изучение колхоза «Коммунизм» дает возможность проследить становление и развитие современной культуры узбеков-колхозников, что проявляется, в частности, в существовании значительной прослойки местной колхозной интеллигенции. Высокий культурный уровень колхозников, хорошая постановка школьного дела и здравоохранения говорят о подлинной культурной революции, происшедшей в узбекском кишлаке. Уже при первом ознакомлении становится заметным рост атеистического мировоззрения не только среди молодежи, но и среди старшего поколения.

Колхоз «Коммунизм» очень велик: центр колхоза — поселок Чархин находится в 9 км от Самарканда, а наиболее отдаленный кишлак Сазаган расположен в 45 км. Это обстоятельство дает возможность проследить разную степень влияния на культуру сельского населения такого древнего центра городской культуры, как Самарканд.

Вторым объектом стационарного этнографического изучения современной культу-

⁶ См. Г. П. Снесарев, Среднеазиатские цыгане, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXXIV, стр. 24—29.

⁷ Нач. отряда Б. Х. Кармышева, научные сотрудники Г. П. Снесарев, Р. Я. Рассудова, Л. Ф. Моногарова, Р. Ш. Джарылгасинова, М. А. Синеглазова.

ры и быта узбеков является совхоз им. Калинина в южном Таджикистане (среднее течение реки Кафирниган). Работа эта осуществляется Н. Г. Борозной как аспирантская диссертационная тема и решает ряд историко-этнографических задач: 1) показать на примере жизни рабочих совхоза им. Калинина социалистические преобразования в хозяйстве, быту и культуре узбеков-дурменов, в прошлом одного из самых отсталых полукочевых узбекских племен Восточной Бухары, колонии Бухарского ханства; 2) выяснить происхождение узбеков-дурменов, издавна живущих в долине реки Кафирниган, составляющих большинство населения кишлаков, объединяемых совхозом, и определить их место среди полукочевых узбекских племен в прошлом.

Сбор полевых материалов закончен. Помимо стационарного этнографического изучения жизни рабочих совхоза, проведено и маршрутное обследование районов расселения узбеков-дурменов в Сурхан-Дарьинской области и в Хорезме. Хорезмские узбеки-дурмены вдали от районов компактного расселения остальных сородичей давно утратили этнографические особенности в духовной и материальной культуре, слившись с окружающим узбекским населением Хорезма.

Выше отмечалось, что Среднеазиатская экспедиция проводит и тематические полевые обследования. В 1961 г. Н. А. Кисляковым сдана в печать большая монография «Патриархально-феодалные отношения у оседлого населения Средней Азии в XIX — начале XX в. (узбеки и таджики Бухарского ханства)». Это исследование построено на широком использовании исторического и этнографического материала. Сбор полевых материалов Н. А. Кисляков проводил как в составе руководимого им Таджикского отряда (1958 г.), так и при индивидуальных поездках в последующие годы. В монографии подвергнуты анализу господствовавшие в Бухарском ханстве феодальные и многообразные остатки дофеодалных социальных отношений. Исследование Н. А. Кислякова одновременно явится пособием при разработке конкретных проблем истории Средней Азии⁸.

Второе обширное исследование, которое будет основано на материалах экспедиции, — это монография Е. М. Пешеревой «Ремесленные организации Средней Азии в конце XIX — начале XX в.»⁹ Помимо полевых материалов, Е. М. Пешеревой широко привлекаются исторические источники. В монографии разрабатывается ряд слабо освещенных или вовсе не освещенных в науке вопросов, связанных не только с особенностями среднеазиатских ремесленных организаций, но и с проблемой развития среднеазиатского города вообще. Уже на основании собранного материала можно предполагать, что, как и предыдущая монография Е. М. Пешеревой¹⁰, эта книга очень широко осветит разные стороны культуры и быта населения Средней Азии и послужит источником фактического материала для исследования многих смежных вопросов.

К тематическим исследованиям Среднеазиатской экспедиции относятся также полевые работы в области истории верований, обычаев и обрядов населения центрального Узбекистана. Они ведутся как в плане изучения современного состояния верований, причин бытования их пережитков и выявления закономерностей роста атеистического мировоззрения (преимущественно стационарные исследования), так и в плане изучения генезиса разного рода верований и обрядов. Эти последние исследования тесно связаны, в частности, с выявлением пережитков первобытно-общинных отношений и институтов. Исследования по этой тематике ведутся Г. П. Снесаревым. На основании собранных уже материалов (с привлечением данных по другим районам Узбекистана и Средней Азии в целом) Г. П. Снесаревым подготовлена и сдана в печать работа «Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии».

В заключение следует отметить, что полевые материалы экспедиции включены в том «Народы Средней Азии и Казахстана» серии «Народы мира»; они также были использованы сотрудниками в докладах, зачитанных на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г.

Экспедиция поддерживает связи с местными и республиканскими научными организациями. В составе отряда по изучению колхоза «Коммунизм» работала сотрудница Музея истории культуры и искусства Узбекистана Г. Я. Упфол. В составе того же отряда, а также Зеравшанского проходил этнографическую специализацию студент исторического факультета Самаркандского университета М. Каримов, которому в результате его участия в экспедиции утверждена тема для дипломной работы по этнографии ирани.

По договоренности с сектором этнографии Института истории АН Таджикской ССР Зеравшанский отряд Среднеазиатской экспедиции обследовал тюркоязычное население соседнего с Самаркандской областью Пянджикентского района Таджикистана. В составе Туркменского отряда работала аспирантка АН Туркменской ССР. А. Н. Байрамова.

Б. Х. Кармышева

⁸ Результаты работы Н. А. Кислякова в составе Предгорного отряда опубликованы в статье: «Некоторые материалы по этнографии таджиков верховий Кашка-Дарьи», Сб. «Памяти Михаила Степановича Андреева», Сталинабад, 1960, стр. 77—90.

⁹ См. Е. М. Пешерова, О ремесленных организациях Средней Азии в конце XIX — начале XX в., «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXIII, стр. 39—46.

¹⁰ Е. М. Пешерова, Гончарное производство Средней Азии, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XLII, М.—Л., 1959.

ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДИ КАРА-КИРГИЗ.

Ф. А. Фиельструп.

Оба лета 1924 и 1925 гг. были посвящены изучению киргиз (кара-киргиз) Семиречья (сейчас Пишпекский округ Киргизской Автономной области), и пополнению пробелов в коллекциях Музея.

Маршрут 1924 года, начинаясь от Пишпека, прорезал западную часть горного района, охватил Иссык-Куль широкой петлей и закончился снова в Пишпеке. Путь лежал через перевал Шамши на Александровском хребте в Загорный район к Сон-Кулю, одному из лучших летних пастбищ киргиз, куда они стекаются с обширной территории двух смежных уездов, Пишпекского и Нарынского. Обогнув озеро с запада и юга, он прошел на г. Нарын, откуда была совершена экскурсия к началу долины р. Арпы, по окончании которой поездка продолжена по направлению к г. Караколу: вверх по р. Нарын, через перевалы Джек-болот и Тосор на восточную половину южного берега Иссык-Куля. Из Каракола совершены две экскурсии по р. р. Тюпу и Джиргалану. Обратный путь в Пишпек, — по тракту вдоль северного берега Иссык-Куля.

В 1925 году снова посещена западная часть горного Семиречья. Поездка была разбита на две части. Первую часть лета работа велась в долине р. Большой Кебин. Вторая поездка — от Пишпека через перевал Суккулук в систему р. р. Каракол—Сусамыр—Кокомерен—Джумгал, оттуда на плоскогорье Терской сандык, и затем по р. Кочкор до с. Рыбачье, на западном конце Иссык-Куля. Из Рыбачьего, к югу, и через перевал Конурлен в долину

.....

Кара кужур. Отсюда в западном направлении: через Солтон сары, Сон куль, горы Кавак, к Ферганской границе, и далее прямо на г. Андижан.

Моя работа имела тройной характер: этнографическое исследование населения, сбор коллекций для Музея и попутная рекогносцировка археологических памятников.

✓ Несмотря на то, что киргизы (кара-киргизы) уже весьма давно заселили Западный Тянь-Шань, и горы в известной мере охраняли их от культурного влияния соседей, изоляция, разумеется, не была полной и их быт не сохранил в неприкосновенности свой оригинальный облик. Выходцы из Саяно-Алтайской горно-степной области, они являются сейчас, ближайшими сородичами казаков (казак-киргизы) были подчинены долгое время калмыкам и испытывали и испытывают во все времена влияние своих иноплеменных оседлых соседей со стороны Китайского и западного Туркестана.

Достаточно перевалить через горы из Семиречья в Фергану, чтобы сразу ощутить разницу в обстановке жизни в западной и в восточной группах этого народа. Административная граница, пролегающая между ними, совпадает с линией, разделяющей их и в этом отношении. С внешней стороны можно отметить, например, наличие производства ковров (стриженных) на западе, тогда как на востоке с ним совершенно не знакомы; форма головных уборов (тюрбанов) замужних женщин различна тут и там и т. д. Распросы об исторической народной традиции выяснили, что ближайшей во времени родиной всего народа считается та земля, что лежит в сторону Андижана. Оттуда пришел родоначальник Семиреченских киргиз Тагай, и там остался его брат, потомством которого и являются все западные киргизы. Ряд родословных таблиц, составленных мною, преимущественно у рода саяк, дополняют эти исторические сведения.

О связи киргиз с их более отдаленным прошлым мы имеем сведения по косвенным источникам, в фольклоре

.....

и пережитках материальной культуры. С термином суёк, существующим у алтайских и абаканских народов, мы встречаемся и у киргиз, но, в то время как в Сибири он обозначает круг лиц, связанных между собой узами кровного родства, у киргиз этим словом называются люди, породнившиеся через брак своих родственников по крови. Нужно сказать все-таки, что смутное представление о том, что суёк является в то же время родством по крови, все же имеется, хотя и не находит себе ясного выражения. Киргизы, как мусульмане, празднуют в году установленные исламом праздники. Кроме таковых, однако, существуют еще празднества, носящие признаки родства с жертвоприношениями у племен Саяно-Алтайской группы. В материальной обстановке жизни киргиз мы находим дальнейшие черты такого сходства.

Общественные развлечения у киргиз не исчерпываются играми, которые устраивает молодежь обоего пола, спортивными состязаниями и проч. Стремление к общению со своими сверстниками и людьми, имеющими одинаковые интересы, выражается в организации обществ с выборным президентом и определенным уставом и правилами поведения. Такие общества собираются в течение всего сезона, летнего или зимнего в составе своих членов у каждого из них по очереди. Мужчины образуют обыкновенно три, так сказать, возрастные клуба, а женщины собираются все вместе. Главным моментом ежедневных летних собраний — шеринё — является пирушка, на которой фигурируют свежее мясо и кумыс; зимние собрания — джорб — происходят раз в три дня таким же порядком, но место кумыса заступает сўзмё махсым — напиток, близкий к бузе, и вместо свежего мяса едят мясо, заготовленное впрок. После угощения участники проводят время в беседе, песнях и проч.

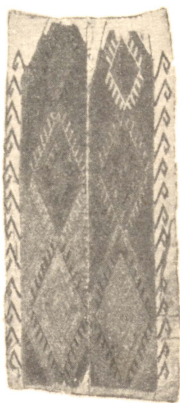
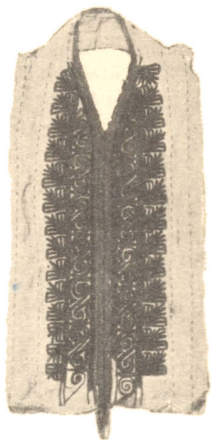
Вопросу о браке мною было уделено большое внимание. В частности меня интересовал вопрос о до свадебных посещениях женихом невесты, которые хотя и происходят

.....

якобы втайне от родителей, не являются секретом ни от кого, и вполне санкционируются обычаем. Сговоренный жених, придя в возраст и уплатив известную часть калыма, приезжает в аил невесты и останавливается в посторонней юрте. Это посещение называется *ўйджаны*, так как жених остается подле юрты невесты, не входя в нее. Затем происходит обряд *тахья сайды*. Невеста, надев девичью шапку (прежде, остроконечную *тахья*), садится в юрте отца, обычно, в кругу своих родственников. Жених приоткрывает уголок покровной кошмы, просовывает в отверстие палку (купольную жердь от юрты), с навязанным на ее конце платком, и легоньким толчком сбивает или сдвигает шапку невесты. Платок остается в пользу свахи (*дженгä*). Постановка этого обряда немного варьирует в разных местах: шапку сбивают то один, то три раза; причем это действие то сопровождается вопросом: «направо или налево?» (т. е. партия жениха загадывает: удачен или неудачен будет брак?), то совершается безмолвно. Этим ударом как-бы испрашивается разрешение на близость, и с этого момента (соответствующего казакскому орунтой) жених и невеста становятся фактически супругами. Свадьба по мусульманскому ритуалу, с участием муллы, совершается теперь лишь перед отъездом молодухи из отчего дома в аил мужа, а прежде ее устраивали непосредственно после *ўйджаны*, что подтверждает наше мнение о моменте заключения брака.

Иметь побольше детей, предпочтительно мужского пола—желание каждого киргиза, между тем смертность среди малолетних детей очень высока, да и процентное отношение мальчиков к числу рождений не удовлетворяет его требованиям. Поэтому способы заставить судьбу дарить мальчиков и сохранять их в живых—не санитарно-гигиенического характера, отнюдь, а магические—очень многообразны и многочисленны. Разные авторы, говоря об именах детей, указывают, что часто в них вкладывается магическое значение, и предполагается, что они опреде-

.....
 ленным образом должны влиять на судьбу их носителей, или на потомство данной семьи вообще. Целый ряд имен, записанных мною, приписывают своим носителям железное здоровье, крепость в борьбе с угрожающими им опасностями (смерть, болезни), или обманывают духов, указывая на отсутствие названных, или же наконец стремятся отвлечь внимание злых сил от ребенка своей неблагозвучностью или унижительностью. Другие имеют форму просьбы «чтобы остался, не уходил», а девочкам нередко дают имена, высказывающие пожелания, чтобы они превратились в мальчиков. Так как внешними отличительными признаками детей обоего пола служит их одежда, родители, стремясь и тут к тем же целям, что и в именах, очень часто одевают дочь в ко-

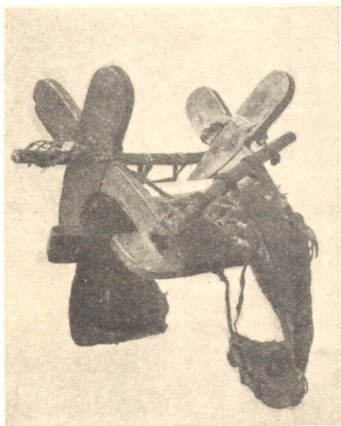
Нагрудные вышивки женских рубах.

.....

стюм мальчика или сына девочкой. Весьма вероятно, что такую же роль выполняют и пучки и косички волос на стриженных детских головках. Обыкновение подкидывать новорожденного в чужой дом, если дети не выживают, и затем покупать его через несколько времени как чужого, входит в ту же категорию явлений.

Наряду с указанными темами мною были изучены и другие с большей или меньшей полнотой, как, например, обряды, связанные со смертью и поминками, календарная система, некоторые стороны материальной культуры и т. д. Кроме того записывались тексты разного характера песен, пословиц, загадок, скороговорок.

Что касается коллекций, то они собирались, как указано выше, в порядке пополнения прежних. Обращалось особое внимание на характерные элементы и близкие к полному исчезновению. Отметим, например, старого покроя мужские кожаные пальвары с раз-

Детское седло.

резами по бокам внизу, настолько широкие, что в них можно было заправлять всю верхнюю одежду, и затем кошемный киментай с рукавами, защищающий путника от дождя и ненастья. Интересны нагрудные вышивки женских рубах, которые сейчас уже не в употреблении ¹.

Детское седло о котором стоит здесь упомянуть, любопытно своей формой и кошемными стремянами

¹. По технике работы и орнаменту они вполне сходны с такого же рода вышивками Алайских (Ферганских) киргизок.

.....

легко и вместе с тем крепко удерживающими 4—5 летнего всадника на лошади. Довольно полный ассортимент принадлежностей и орудий для ловли ловчих птиц, их приручения, обучения и ухода за ними напоминает нам о большой распространенности охоты с орлами и соколами. Интересен маленький набор несложных орудий для возделывания мака и сбора с его головок опиума, поскольку он говорит о новой для киргиз прибыльной культуре. Из хозяйственной утвари, достойны внимания две главные части аппарата для перегонки водки из кумыса: колпак, которым покрывают котел с кумысом, и трубка для отвода конденсирующихся паров. В настоящий момент молочная водка вышла из употребления почти совсем, и перегонные аппараты встречаются чрезвычайно редко.

В пути, кроме того, не выходя из пределов своих маршрутов, я вел регистрацию памятников старины, отмечая места, где стоят каменные бабы и находятся погребения различных типов.

Из сел. Токмак (в 60 верстах от Пишпека) мною было получено три каменных бабы, привезенные в свое время с р. Шамши. Они опубликованы Кастанье, и Флоринским в его «Первобытные Славяне», т. II, где представлены на таблицах под №№ 2 и 10.

Кроме Киргизстана, я посетил, очень коротко, несколько городов в Узбекистане: Самарканд, Джизак, Андижан, Наманган, Маргеллан (Фергана), и ознакомился в них с различными производствами и ремеслами, например, с гончарным, с ткачеством (шелков). Под Джизаком я провел один день на узбекских кочевьях, собирая материал по браку, жилищу и др. для сравнения с соответствующим киргизским.

Во время поездок приобретено 215 предметов и сделано около 80 снимков.